

УДК 261.6 + 261.2 (477)

**TO THE PROBLEM OF USE OF CONCEPTS «SUPERSTITION» AND
«DOUBLE BELIEF» IN HISTORICAL RESEARCH
К ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЙ «СУЕВЕРИЕ» И «ДВОЕВЕРИЕ» В
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Savchenko S.V. / Савченко С.В.

k.h.s., as. prof. / к.и.н., доц..

ORCID: 0000-0002-3615-2343

***Аннотация.** В работе рассматривается проблема использования в современных исторических исследованиях таких понятий как «суеверие» и «двоеверие». Автор обосновывает тезис о том, что беспрепятственное использование этих устаревших и семантически неопределенных понятий контрпродуктивно в академическом смысле, главным образом, ввиду их конфессиональной насыщенности и архаичности. Семантический инвентарь современной историографии, изучающей сферу религии, веры и церкви, нуждается в глубоком и качественном переосмыслении.*

***Ключевые слова:** суеверие, двоеверие, история, историография, религия.*

Вступление.

При изучении крестьянской религиозности XIX века историография до сих пор опирается на вербальные средства и формы описания, которыми пользовались священники, миссионеры, чиновники, этнографы и интеллигенты-народники дореволюционного времени. Речь идет об «обрядоверии», «двоеверии» и «суеверии», с помощью которых как светская, так и церковная интеллигенция как бы остраивалась от объекта описания, идентифицируя себя с элитарной, рациональной, «высокой» культурой, лишенной указанных недостатков простонародной культуры. Крестьянская религиозность определяется как неглубокая, обрядовая, формальная, языческая или полужязыческая. Язычество эссенциализируется в качестве чего-то вечного и неизменного. «Непонятность» народа выразилась в идее пралогичности мыслительных процессов в крестьянских головах. В целом, примитивизация крестьян была призвана оправдать великую просветительскую миссию тех, кто вел народ к счастью. Категории «язычество», «обрядоверие», «суеверие», «двоеверие» и другие, – являются пережитками эпохи доминирования догматического богословия над историческим религиоведением, когда догматика распространяла на различные сферы гуманитарного познания свою аксиологию, онтологию и критерии классификации (что есть истина и ложь, что есть правда и неправда, добро и зло и т.д.)

Основной текст.

Как бы то ни было, использование явно оценочных категорий в качестве аналитического языка, нуждается в серьезной аргументации, на что указывал еще Э. Эванс-Притчард [1]. Действительно, «суеверия – оценочный, бытовой термин, уже давно не применяемый исследователями религиозных феноменов» [2]. К. Гирц в своей семиотической интерпретации культурных явлений исходил из того, что термин «суеверие» исключен из научного дискурса и оставлен полемистам [3, С. 232]. Становится все более очевидным, что привычная

аналитическая схема «народная суеверная религиозность – официальная каноническая религиозность», разделяющая народ и церковную элиту – неудачна, за ее пределами оказывается слишком большое количество социальных фактов. Как отметила Е.Б. Смилянская, «любые дефиниции по социальному признаку давно уже не выдерживают критики. Вера в магическое была присуща религиозным воззрениям всех слоев общества» [4]. Поэтому более корректной является другая бинарная модель. Она противопоставляет повседневную религиозную практику, в которой может соучаствовать вся духовная корпорация клириков и мирян, и кодифицированную религию синодальных указов, общецерковных канонов и богословских трактатов. При этом ученые авторы эти трактатов в повседневности могли разделять ту же картину мира, что и массы суеверных мирян, но за письменным столом, в консистории или за семинарской кафедрой они были носителями официального православия.

Обвинения крестьян в обрядоверии, ставшие элементом хорошего тона еще с XIX столетия, редко вызывают критическую рефлексию, хотя проблема слишком сложная, чтобы отделаться от нее общими фразами о том, что все крестьяне были «обрядоверующими» [5]. Чем объяснить частое использование этого термина с явно негативной коннотацией? Вероятно, это связано с осуждением интеллигенцией веры в силу обряда и ритуала, с «гнушением материей»: в соответствии с распространенным стереотипом, качество духовного содержания возрастает в меру лишения его телесной формы. На эту особенность сознания образованного общества обратил в свое время внимание Ф.М. Достоевский в причте о кувшине и драгоценном мире. Христианство искусственно одухотворялось, из него изымалась вера в то, что материальный мир в преображенном и освященном виде войдет в Царство Небесное. Термин «обрядоверовавшие крестьяне» может также отражать стереотипы восприятия своих крестьян как аналога дикарей, которые видят форму, способны ее воспроизводить в малейших деталях, подобно адептам примитивных карго-культов, но неспособны к постижению содержания.

Слово «суеверие» нетерминологично, оно не может применяться в качестве научного понятия в силу перегруженности религиозной аксиологией. От кого бы оно не исходило, предполагается, что тот, кто его использует, либо исповедует истинную веру (в его понимании), либо же любую веру считает суетной и ложной. Суеверие – это оценочная категория православного богословия, обличающего ложные верования своих прихожан, но современный историк, вместе с миссионерами XIX века пишущий о крестьянских суевериях, оказывается в «ловушке времени». Синодальный историк С.Г. Рункевич определил программу религиозной политики Александра I, вложив ее в уста царского воспитателя Лагарпа. «Нужно пересоздать общественное воспитание и тем подготовить у новых поколений иной образ мысли, свободный от предрассудков, унижающих человеческое достоинство... Чтобы истребить народное невежество, правитель должен дать свободу слова писателям, и они разоблачат ложные мнения логическими доводами и рассеют их неотразимую силую насмешки» [6, С. 10]. Употребляя понятия «суеверия» и «предрассудки»

для характеристики крестьянских религиозных представлений, мы, тем самым, принимаем сторону имперского правительства и миссионеров-обличителей. В пределах строго научного дискурса определять, кто заблудший и суеверный, а кто истинно верующий, оценивать онтологические атрибуты веры – невозможно. Это задача не историка, а теолога. Другая крайность заключается в том, что ряд авторов симпатизирует суевериям, находя в них свидетельство кордоцентризма, уникальности народной души и т.п. По-сути это тот же подход, только с сознательно противоположной оценкой.

Эпистемологическая ценность «двоеверия», как понятия, не менее проблематична, чем «суеверия», хотя и находит поддержку среди части ученых [7; 8, С. 363-364]. По мнению А. В. Михайлюка, «традиционный термин "двоеверие", при всей его условности, адекватно отражает состояние народной религиозности», поскольку речь идет не о «формальном внешнем соединении двух религий, а об их тесном переплетении, внутреннем синтезе» [9, С. 85]. Дело в том, что модерность и архаичность и в самом деле переплетались в сознании конкретных людей и определяли их поведенческую реакцию, но постоянная ссылка на язычество, как второй компонент народной религиозности («пережиток»), является упрощением. Невозможно доказать, что в народных религиозных воззрениях и практиках сосуществовало лишь два компонента, а не три, четыре или больше, недоказуема и их дохристианская генеалогия.

По верному замечанию А.С. Лаврова, «в культуре ничто не является пережитком, все проживается или не существует» [10, С. 86]. Иначе говоря, этот «пережиток» выполнял определенную социальную и символическую функцию в той системе, в которую был встроен. То, что историки обычно имеют в виду под «язычеством», это не реликт древнего дохристианского мира, а постоянно действующий культурный механизм производства сакральных объектов (материальных вещей, идей, ценностей, обожествляемых личностей), внехристианских, даже внемонотеистических, религиозных практик и представлений. Не все, что трудно отнести к православию в литургическом, каноническом или богословском смысле, следует определять как язычество. Нужно учитывать влияние города, художественной литературы, которая проникала в деревню и «фольклоризировалась» в процессе вторичной сигнификации, сферу циркуляции массовых слухов, распространение прессы, сообщения которой порой довольно оригинально пересказывали своим односельчанам крестьянские грамотеи, политические идеи интеллигенции, специфическим образом усваивавшиеся крестьянами и т.д. [11]

Таким образом, концепция суеверия и двоеверия в рамках изучения крестьянской религиозности конца XIX – начала XX в. непродуктивна. Она терминологически консервирует мировоззрение народа на заре древнерусской истории, когда между собой боролись старое язычество и новое христианство. Строго говоря, нельзя говорить о двоеверии, когда отсутствует практика параллельного функционирования христианского и языческого религиозного культа (аналогия с почитанием святых – ложна и беспочвенна). Сведения о подлинном двоеверии можно встретить в древнерусских памятниках литературы. К примеру, в «Слове о правой вере» XI века осуждается практика

соучастия новокрещенных христиан в религиозном культе языческих богов Перуна и Сварога, за которыми, по мнению христианского книжника, стоят бесы [12, С. 162]. В XIX веке ничего подобного уже нет.

Заключение и выводы.

Итак, в статье были рассмотрены вопросы о целесообразности применения понятий «суеверие» и «двоеверие» в качестве аналитических категорий. Были получены следующие выводы:

1. использование данных понятий в современных исследованиях неоправданно, поскольку они далеки от аналитической нейтральности, являются идеологически пристрастными, публицистическими, конфессионально маркированными и, в каком-то смысле, пейоративными;

2. происхождение исследуемых понятий напрямую связано с эпохой доминирования догматического богословия над историческим религиоведением, так как в них семантически заложено метафизическое и ненаучное разделение религиозных верований на «истинные» и «ложные»;

3. применение их в современных исторических трудах базируется на весьма поверхностном изучении народной религиозности и связано с ее стереотипным восприятием как двухсоставного культурного образования (православие и язычество); подобный редукционизм – не решение проблемы, а свидетельство нежелания ее решать;

4. более удачной представляется бинарная модель, противопоставляющая не православие и язычество («истинную веру» и «суеверие»), а повседневные религиозные практики и кодифицированную официальную религию;

5. народная религия – многослойный феномен, который невозможно сводить к двух компонентам, тем более, что древнюю языческую генеалогию тех или иных религиозных традиций и верований невозможно проследить и верифицировать научными методами.

Литература:

1. Эванс-Притчард Э. Теории примитивной религии / Пер. с англ. М., 2004. 142 с.
2. О вере и суевериях: сборник статей в честь Е.Б. Смилянкой /отв. ред. Д.И. Антонов. М., 2014. 352 с.
3. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М., 2004. 560 с.
4. Смилянская Е.Б. Суеверие и народное религиозное вольнодумство в России XVIII в. URL: www.dissercat.com
5. Фирсов С. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.) М., 2002. 621 с.
6. Рункевич С.Г. Русская Церковь в XIX веке. СПб., 1901. 258 с.
7. Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России / Пер. с англ. М., 2004. 216 с.
8. Уигзелл Ф. Читая карту небес и ада в русском народном православии: о пригодности концептов двоеверия и бинаризма // Антропологический форум № 3. М., 2005. С. 363-364.
9. Михайлюк О. В. Селянство Наддніпряньської України в перші десятиліття

XX ст. (1900-1922 pp.): Соціокультурні трансформації. Дис...докт. іст. наук. Дніпропетровськ, 2009. 597 с.

10. Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700-1740. М., 2000. 577 с.

11. Letters from Heaven. Popular Religion in Russia and Ukraine. Ed. by J.P. Himka, A. Zayarnyuk. Toronto – Buffalo – London, 2006. 290 p.

12. Подскальски Г. Христианство и богословская литература Киевской Руси (988 – 1237). / Пер. с нем. СПб., 1996. 572 с.

Abstract. *The paper deals with the problem of using such concepts as «superstition» and «dual faith» in modern historical research. The author substantiates the thesis that the problem-free use of these obsolete and semantic vague concepts is counterproductive in the academic sense, mainly due to their confessional richness and archaism. The application of the studied concepts in modern historical works is based on a very superficial study of folk religiosity and is associated with its stereotypical perception as a two-component cultural entity. The origin of the concepts under study is directly related to the era of the dominance of dogmatic theology over historical religious studies. They semantically contain the metaphysical and non-scientific division of religious beliefs into «true» and «false». More productive is a binary model that contrasts everyday religious practices with a codified official religion. The semantic inventory of modern historiography, which studies the sphere of religion, faith and church, needs a deep and qualitative rethinking.*

Key words: *superstition, dual faith, history, historiography, religion.*

Статья отправлена:

© Савченко С.В.